

Шумилов Данила Алексеевич

студент
Уральский медицинский институт
Челябинск, Россия

Шумилов Дмитрий Альбионович

студент
Уральский медицинский институт
Челябинск, Россия

ГОЛОДНОЕ БЕДСТВИЕ И ЛЮДОЕДСТВО НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1921-1922 гг.

Аннотация

Статья посвящена изучению голода и людоедства на Южном Урале в обозначенный период, носивших массовый характер и принимавших форму психических заболеваний. Показана экономическая ситуация в стране и регионе, социально-политическая обстановка, эпидемиологическая картина, а также противоречивая политика центральной и местной властей, ставшая основной причиной голода и его страшных последствий. Отражены чрезвычайные мероприятия по исправлению ситуации и спасению голодающих. Сделан вывод, что голод, и людоедство, как его результат вызвали серьезные ментальные изменения у населения, а причины, особенности и последствия данных явлений актуальны и нуждаются в дальнейшем изучении.

Ключевые слова: Южный Урал, Челябинская губерния, людоедство, голод, продрозверстка

Из-за последствий большой Гражданской войны и ряда иных факторов острой проблемой на Южном Урале в 1919-1922 гг. был голод. Повлияла мировая война, когда из селений по мобилизации убыло мужское население. Гражданская война, принеся боевые действия в деревни, за счет которой обеспечивались воюющие стороны. Крестьянские хозяйства региона, в условиях политики военного коммунизма лишались всяких экономических стимулов и, продолжая сужать посевы, превратились, по сути, в натуральные. В этих условиях засуха и появление саранчи в 1920 и 1921 гг. поставила большинство сельского населения на грань гибели. В сельскохозяйственном отношении край превратился из производящего в потребляющий. Хозяйства, пострадавшие от войны и политики военного коммунизма, самостоятельно перенести засуху не смогли. Существенное влияние оказали и методы проведения продовольственной разверстки: фактически норм сдачи продуктов не было и на районы, сумевшие выполнить продовольственное задание, часто накладывались дополнительные объемы разверстки [2, с. 102-104].

Такие факты имели место в уездах губернских городов, волостях близ железных дорог, т.е. легкодоступных для продотрядов. Кроме того, повторные изъятия часто приводили к стихийному сопротивлению населения: так называемым «бабьим

бунтам», укрывательству хлеба, что давало основания к тотальному изъятию продовольствия в данных районах посредством натуральных штрафов, конфискации, контрибуций, производимых карательными отрядами, обрекавшими хозяйства на голодное существование и полное разорение [20, с. 167-171].

Обозначая вопрос о зоне рискованного земледелия и регулярности неурожаев на Южном Урале, необходимо отметить и неоднократность государственной помощи во время голодных бедствий 1888, 1891-1892, 1911 годов. Поддержка выражалась в предоставлении семенных и денежных кредитов, закупке в других регионах продовольствия и предоставлении его нуждающимся.

Опыт борьбы с голодом, таким образом, говорил о необходимости помощи извне, а также о наличии у населения привычки зависеть от господдержки. Но Советская власть в 1920-1921 гг. оказать её в дореволюционных формах и объеме не могла – из-за отсутствия твердой валюты, хлеба как такового, благотворительных обществ и кризиса своей управленческой системы. Недостаток семян и сокращение посевных площадей привело к их сокращению в 1921 г. до 48% от 1920 года. Районные продовольственные комитеты отпускали продовольствие по минимальным ставкам. Так, в Долгодеревенской станице на 6 тыс. жителей отпустили 1 тыс. пудов (по 7 фунтов на человека) и это происходило уже после отмены продразверстки в марте 1921 г. [21].

Бедствие, начавшееся в 1921 г. охватило территорию 35 губерний с населением до 40 млн чел. В зону голода попал практически весь Урал, особенно тяжелое положение, наблюдалось в Башкирии и Челябинской губернии. В последней сильнее всего пострадал Верхнеуральский уезд – из-за отсутствия железнодорожных путей, удаленности от центра и активного повстанчества в 1920-1921 гг.

Важным фактором ухудшения социально-политической обстановки и развития голода в том числе стало массовое дезертирство. В Челябинской губернии за 1920 и январь-февраль 1921 гг. задержали почти 39 тыс. дезертиров [17, с. 25-27]. В частях военнослужащим не хватало питания и обмундирования, казармы из-за отсутствия дров не отапливались, что вело к распространению инфекций, а переполненные госпитали представляли очаги эпидемий и больных отпускали лечиться по домам, где они сокращали скудные запасы оставшегося продовольствия [9, с. 102]. Нехватка лекарств, дефицит медиков, коррупция в системе военной медицины РККА, а также

нежелание воевать против своих соотечественников также способствовали дезертирству [10, с. 26-27].

Беглецов в сельской местности не воспринимали как маргиналов, оказывали им помощь, взамен рассчитывая на содействие в сельхозработах, в условиях кризиса, а дезертиры спешили из частей, чтобы помочь семьям засеять поля и убрать урожай, огромное влияние на красноармейцев оказывали сведения о произволе в рамках продразверстки [12, с. 122].

В итоге террор, насильственное изъятие у населения продуктов стали основой восстаний и локальных выступлений, под флагом отмены продразверстки, где катализатором протеста стало массовое дезертирство [18, с. 36-38].

В регионе с осени 1920 года возникали повстанческие очаги, происходило напряженное вооруженное противостояние с новыми жертвами и расправами. Восставшие в ряде случаев организовали импровизированные формирования и структуры управления на подконтрольной местности, оказывали населению содействие в запашке полей, раздавали или возвращали изъятые по разверсткам продукты [16, с. 68-75], [19, с. 116-117].

Повстанцы, используя партизанскую тактику и рейды, не всегда стремились к контролю над местностью, что среди прочего способствовало хаосу в советской системе управления и дестабилизировало работу по изъятию разверстки, а позже продналога, но в целом вело к сокращению запасов продовольствия, так как повстанцы обеспечивали себя за счет населения [13, с. 47, 53-54]. В листовках и программных документах восставшие называли надвигавшийся голод и жизнь населения в условиях выживания в качестве основных причин выступлений [15, с. 119-121].

Иногда повстанцы ставили амбициозные цели, стремясь к захвату уездных центров, как в Кустанайском уезде летом 1920 года, но затем, после поражения, в качестве заключенных увеличивали армию иждивенцев советского режима в тюрьмах и концлагерях [14, с. 115-121].

Вообще, начиная с осени 1920 года борьба с повстанцами требовала от местных властей максимум сил и средств и являлась долгое время ключевым направлением, а вопросы надвигающегося голода и помощи голодающим районам до 1922 года были второстепенными [11, с. 65, 68-69].

Данная малая гражданская война и последовавший за ней очередной виток красного террора усугублял ситуацию с надвигавшейся на регион голодной катастрофой.

Потери во время голода не поддаются точной статистике ввиду отсутствия системы учета и разрозненности источников. Во время голода был отмечен каннибализм. Каннибализм — это поедание одного представителя своего вида другим представителем того же вида. Слово каннибал происходит от «канибалес», испанского названия индейцев Карибского бассейна, которые, как считалось, практиковали каннибализм. Археологи обнаружили свидетельства каннибализма в генеалогическом древе человечества, по крайней мере, за 800 000 лет до нашей эры. И хотя следы порезов и укусов на костях не могут быть раскрыть мотивы, древние останки дают несколько подсказок о том, насколько широко распространен был каннибализм по протяжении эволюции человека. Однако каннибализм среди людей, или антропофагия, встречается гораздо реже, хотя на протяжении тысячелетий он был распространён в самых разных человеческих сообществах и культурных группах. Антропологические исследования выявили следы порезов на костях гоминидов возрастом 780 000 лет и на костях неандертальцев возрастом 100 000 лет, которые существовали в эпоху среднего палеолита. Согласно теории оптимального поиска пищи, было высказано предположение, что каннибализм в ранних популяциях гоминидов был обусловлен доступностью других гоминидов по сравнению с другими источниками пищи, что делало их «высокоценным типом добычи». Например, в пещере Гран-Долина в Испании останки убитых бизонов, овец и оленей были смешаны с останками по меньшей мере 11 человек, все из которых были детьми или подростками. На их костях были обнаружены следы каннибализма. Помимо следов, указывающих на то, что плоть была содрана с костей, есть свидетельства того, что жители Гран-Долины – древний родственник человека, называемый *Homo antecessor* – ели мозги своих жертв.

При употреблении мозгов человека есть большой риск заразиться прионными болезнями. Прионные болезни – ряд заболеваний, с поражением центральной нервной системы, а также мышечной и лимфатической, часто с летальным исходом. Заболевание ведет к деградации умственных и физических способностей у человека наступают личностные расстройства, психозы, шизофрениии. Наряду с классическими вариантами, присутствует и новые - синдром Герстмана-Штраусслера-Шейнкера,

фатальную семейную бессонницу, Куру, а также недавно открытую вариабельную протеаза-чувствительную прионопатию. Сегодня сохраняется риск заболеть прионными болезнями при употреблении человеческого мяса и мяса диких животных, что подтверждается научными статьями и информацией сети интернет [3].

В апреле 2024 года ученые США сообщили о выявлении двух предполагаемых случаев заболевания людей хронической изнуряющей болезнью, которая распространена среди диких оленей. Эти люди были охотниками и ели мясо предположительно зараженных оленей. Они оба умерли и посмертно у них диагностировали болезнь Крейтцфельдта-Якоба [4].

Анализ материала позволяет привести ряд фактов, свидетельствующих о распространении каннибализма в Челябинской губернии в рассматриваемый период. Так, в одном из советских отчетов зафиксировано: «В общем, людоедство получило в губернии довольно широкое распространение». Размах каннибализма напугал и вынудил губисполком 7 марта 1922 года рассмотреть вопрос «О борьбе в Челябинской губернии со случаями людоедства, трупоедства, продажей человеческого мяса на рынке и продажей изделий из него в виде пирожков и т.д.». Помимо устных сообщений на заседании рассматривались и документы об этом явлении из Верхнеуральского уездного исполкома, управления Троицкой милиции, Лейпцигского станичного исполкома и Требиатского сельсовета. Члены Верхнеуральской комиссии по борьбе с голодом в общей информации о положении дел в уезде вынуждены были ввести новый раздел «Голодные преступления». «Одновременно с голодной смертью, – говорилось в этом документе, на почве голодания получили значительное развитие различные специфические формы голодной преступности: самоубийства, вызванные голодом, убийства членов семьи в целях облегчения от голодных мучений или с целью оставления живым больших продовольственных запасов, убийства с целью грабежа, голодные кражи, трупоедство, людоедство» [6].

Каннибализм распространился и в другие уезды, и в города, и как его результат вызвал определенное озверение населения. Фиксировались случаи каннибализма в отношении родственников, детей, а также групповые нападения и убийства. Среди людоедов наиболее часто встречались подростки и молодые женщины. Они действовали почти открыто и равнодушно сознавались в поедании человечины. Мужчин-каннибалов было мало, и они в основном страдали сильными психическими расстройствами. О масштабах людоедства можно судить на основании

факта, что только в августе 1922 г. в губернии зафиксировали 98 случаев каннибализма (из них большинство в Верхнеуральском уезде) [1, с. 554].

Многие люди, обессилив от борьбы за существование, кончали жизнь самоубийством, или искали быстрой смерти от тифа, холеры. Главным для людей становились не внешний вид, моральный облик, родственные чувства, а поиск еды. Стали практиковаться самосуды над ворами, грабителями, обречение на гибель стариков, детей и больных. Такие зарисовки больше подходят для характеристики первобытного общества, нежели людей 20 века.

Если угроза голода в 1920 г. повышала политическую активность, что выражалось в сопротивлении продовольственной политики и даже восстаниях, то, когда голод наступил, то он подавил все проявления протеста. Отчаяние сменилось равнодушием и спокойным ожиданием смерти. В этом смысле абсолютно верна точка зрения, что голод фактически задушил повстанчество [16, с. 77-80], [22],

Проведенное исследование источников вековой давности, где жертвами голода и каннибализма были дети, позволяет сформулировать следующие выводы.

В указанный период произошло увеличение криминальных жертв каннибализма в Челябинской губернии, что свидетельствует об общем обострении криминогенной обстановки региона. Детей можно выделить в особую незащищенную группу, как жертв каннибализма в то время даже их родители становились каннибалами своего потомства. Также можно заявить, что партийно-советские органы на начальной стадии практически ничего не предпринимали по ослаблению криминогенной обстановки, связанной с защитой детей от криминального и вынужденного каннибализма. Кроме этого, не стоит забывать о прионных заболеваниях человека, которые могут нанести вред человечеству.

Список использованных источников

1. Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917-1922 гг. - М., 2001.

2. Панькин, С. И. Динамика экономического положения сельского населения Южного Урала в 1920-1921 гг. (по материалам Челябинской ГубЧК) / С. И. Панькин // Социально-экономическая и финансово-кредитная политика в регионе: Тезисы региональной научно-практической конференции, Челябинск, 25 апреля 2002 года. – Челябинск: ВЗФЭИ (филиал в Челябинске), 2002. – С. 102-105. – EDN VUFCDX.

3. Серибеккызы Г.А, Галимуллин В. Д, Прионные заболевания, возбудители прионных заболеваний // Актуальные проблемы теоретической и клинической медицины. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prionnye-zabolevaniya-vozbuditeli-prionnyh-zabolevaniy>
4. Soldevila, M. et al., The prion protein gene in humans revisited: lessons from a worldwide resequencing study, Genome Research, Epub, 20 December 2005.
5. Боже, В. С. Жатва смерти: голод в Челябинской губернии в 1921-1922 гг.: материалы в помощь учителю / В. С. Боже, И. Непеин. – Челябинск, 1994. – 34 с.
6. Боже, В. С. Голодный год / В. С. Боже // Край наш южноуральский, 1996 : рекомендательный библиографический указатель / Челябинская областная универсальная научная библиотека, Информационно-библиографический отдел ; составитель И. Н. Пережогина. – Челябинск, 1995. С. 208–210.
7. Абрамовский А. А. Дети – жертвы каннибализма (по материалам Челябинской губернии начала 20-х гг. XX века) // Виктимология. 2023. №3.
8. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) Ф.Р-380. Оп. 2. Д.5 Л.12
9. Панькин, С. И. Дезертирство на Южном Урале в 1920-1921 годах как проявление отклоняющегося поведения / С. И. Панькин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2002. – № 1 (13). – С. 102-103. – EDN WHQPXV.
10. Панькин, С. И. Детерминация дезертирства и уклонения от мобилизаций на Южном Урале осенью 1919 – весной 1921 г. / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. – 2022. – № 7. – С. 25-29. – DOI 10.18572/2070-2108-2022-7-25-29. – EDN DNFNOO.
11. Панькин, С. И. Государственно-правовые меры борьбы с повстанцами в Челябинской губернии в 1920 г. / С. И. Панькин // История государства и права. 2022. № 3. С. 64-71. – DOI 10.18572/1812-3805-2022-3-64-71. – EDN NNIYBX.
12. Панькин, С. И. Повстанческая группировка станицы Краснинской Верхнеуральского уезда в 1920 году / С. И. Панькин // Гороховские чтения: материалы восьмой региональной музейной конференции, Челябинск, 13 ноября 2017 года. – Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2017. – С. 122-128. – EDN YPFPAQ.

13. Панькин, С. И. Особенности тактики повстанческих соединений на Южном Урале в 1920-1922 гг. / С. И. Панькин // Управление в современных системах. – 2015. – № 3 (7). – С. 47-58. – EDN TBHCID.

14. Панькин, С. И. Выступление крестьян в Кустанайском уезде в 1920 году / С. И. Панькин // Вестник № 5: Материалы межвузовской научно-практической конференции, Челябинск, 10 апреля 2005 года / Под ред. В.Н. Ни. – Челябинск: ООО Проспект, 2005. – С. 113-122. – EDN SNKICN.

15. Панькин, С. И. Политическая платформа повстанческого движения на Южном Урале в 1920 - 1922 гг. / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2013. – № 6 (44). – С. 118-122. – EDN RTNUNH.

16. Панькин, С. И. Характеристика повстанческих вооруженных формирований на Южном Урале в 1920-1922 гг. / С. И. Панькин // Междисциплинарный диалог: современные тенденции в гуманитарных, естественных и технических науках: сборник трудов III Всеросс. научно-практической конф. преподавателей, ученых, специалистов и аспирантов, Челябинск, 11 марта 2014 года / Научный ред.: А.В. Молодчик, редактор-корректор: А.А. Митченкова. – Челябинск: ЧОУ ВПО «Южно-Уральский институт управления и экономики», 2014. – С. 66-80. – EDN TGZALD.

17. Панькин, С. И. Масштабы, динамика и формы дезертирства в Челябинской губернии 1919-1920-х гг. / С. И. Панькин // Военно-юридический журнал. 2022. № 1. С. 25-29. – EDN KIUEAR.

18. Панькин, С. И. Модели возникновения выступлений и организация повстанческих структур управления на Южном Урале в 1920-1922 гг. / С. И. Панькин // Управление в современных системах. 2016. № 1 (8). С. 35-45. – EDN VVFUTN.

19. Панькин, С. И. Российский опыт создания властных структур в безлегитимный период гражданского противостояния: военно-административная власть повстанцев на Южном Урале в 1920–1921 гг. / С. И. Панькин // Социум и власть. – 2012. – № 6 (38). – С. 116-117. – EDN OFAHQI.

20. Панькин, И. Д. Массовые выступления в форме «бабьих бунтов» на Южном Урале на рубеже 1920-192 гг. / И. Д. Панькин, С. И. Панькин // Личность и общество в российской истории (к 350-летию со дня рождения Петра I): Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Шадринск, 25 ноября 2021 года / Редколлегия: Н.Ф. Чипинова, С.А. Парфенова, В.Д. Пузанов, Е.А.

Бурлакова. – Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет, 2021. – С. 166-174. – EDN NTRGWF.

21. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО) ФП-77 ОП.1 Д.344 Л. 56.

22. Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920-1921 гг. и Южный Урал. – Оренбург, 1999.